

Аннотация. В статье проанализированы взгляды ученых на личность и аспекты ее развития; определены основные особенности саморазвития личности в современном глобализованном обществе. Среди главных аспектов процессов развития и саморазвития личности выделены и охарактеризированы их общественный, деятельностный, целеустремленный, интеллектуальный, творческий и ценностный характер.

Ключевые слова: личность, развитие, саморазвитие, общество, общественные отношения, деятельность, целеустремленность, самоутверждение, самовоспитание, интеллект, мышление, творчество, ценность.

Pahuta L., postgraduate student of the Department of culturology and artistic education department of Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University (Drohobych, Ukraine), E-mail: visnuk NU@i.ua.

The main peculiarities of the personality self-development: a philosophical aspect

Abstract. Scientists' views on the personality and the aspects of his/her development are analyzed in the article; the main peculiarities of the personality self-development in the modern globalized society are defined. Social, active, purposeful, intellectual, creative and valuable character of the processes of personality development and self-development are given off among the main aspects of these processes; they are characterized in the article.

In modern philosophical discourse pressing issue is the individual selfdevelopment, which is an extremely complex and contradictory process. Self-determination, self-cognition, self-statement, selfcontrol, self-transformation, selfimprovement, self education and self education in their totality make it possible. The main aspects of self-identity is its social character; commitment, active implementation of human intellectual and creative activity, and self-awareness as the highest purport value.

A person who has a great knowledge, today for no one is a surprise. Modern society needs a new type of man who knows himself and his place in the world, which is capable of critical, creative, proactive thinking, which competently performs purposeful activity to transform ourselves and the world and is willing to work hard throughout their lives. Man is not just a new type self-realized as a person, it develops and self-develops its subjectivity, that is the prospect of further research in this area.

Key words: personality, development, self-development, society, social relations, activity, purposefulness, self-statement, self-education, intellect, thinking, creativity, value.

УДК 316.37

Палагута В. И.

НМетАУ

(Днепропетровск, Украина),

E-mail: visnukDNU@i.ua

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТА В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК КАК ОСНОВЫ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье анализируются онтологические характеристики дискурсивных практик как базисной структуры отношений человека к социуму и в социуме, существующего на всех без исключения уровнях социальной действительности. Изучение этих характеристик даёт представление о специфике структуризации всех дискурсивных практик, что и предопределяет динамизм и постоянное изменение самоидентификации субъекта в социальных измерениях бытия.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивные практики, властные отношения, самоидентификация, силовое воздействие, позиционность, диспозиция, субординация, иерархичность.

Когда речь заходит о самоидентификации человека, то мы всегда имеем в виду акт вопрошания субъекта о самом себе, что сигнализирует о непрерывно совершаемом акте субъективного самоудоверения. А последний всегда имеет власную природу, он изначально нагружен власными отношениями и полностью определя-

ется их динамикой. Более того, данный акт указывает на один из основных принципов концепции самоидентификации социального субъекта, который наглядно демонстрирует роль дискурса как базисной структуры отношений. Поэтому, дискурс как особого рода речевая структура всегда имеет власть над субъектом благодаря неотъемлемой потребности человека к самоименованию и, тем самым, установлению им своего места или позиции в том, или ином поле социальной реальности. Ряд онтологических характеристик дискурсивного пространства наглядно иллюстрируют данное положение [1, с. 348-373]. Так, характеристика силового воздействия дискурса априорно предусматривает непрерывную, подчас скрытое навязывание «производящих» дискурсы субъектов, что указывает на социальные отношения доминирования, манипуляции и подчинения субъектов социальной группе или её номинальному представителю в дискурсивном пространстве. Известный представитель критического дискурс-анализа (КДИ) Тён ван Дейк в одной из своих работ замечает, что «властвовать означает сегодня обладать не столько аппаратом принуждения, сколько возможностью определять (описывать, объяснять, прогнозировать, конструировать) текущую ситуацию в социуме, формулируя критерии объективности, непредвзятости, авторитетности, правдивости и истинности» [2, с. 8]. Ещё одна онтологическая характеристика – позиционность дискурса задаёт структуру социального пространства через распределение (перераспределение) относительных (реляционных) позиций и, тем самым, конкретизирует социальное отношение как отношение устанавливаемого порядка и предписанных или оговоренных правил следования ему.

Характеристика диспозиции акцентирует внимание на занятии субъектом определенного места или позиции, которые проявляются через антагонистические, конфликтные по своей сути и гегемонические взаимодействия в дискурсивных пространствах, что, в конечном счете, и является одной из подоснов всей системы структурирующихся и подвергающихся рефлексии со стороны субъектов силовых или властных отношений. Тён ван Дейк в этой связи замечает, что «мы не поймём, как социальные ситуации или социальные структуры вторгаются в текст и речь, если не поймём, как люди интерпретируют и репрезентируют эти социальные условия в рамках особых ментальных моделей – контекстных моделей. То же справедливо в отношении «эффектов» дискурса, оказываемых на людей, - влияния, которое должно быть описано в терминах ментальных репрезентаций [2, с. 15]. Во многом формирование контекстных моделей определяет онтологическая характеристика субординации или иерархичности, которая фиксирует публичное установление, т. е. легитимизацию и дальнейшее воспроизводство субъективных позиций в границах социально – дискурсивных полей, что в полной мере соответствует пониманию дискурса как вместилища множества мест или позиций, где непрерывно осуществляются процессы самоидентификации субъекта.

Рассмотрение онтологических характеристик дискурсивного пространства самоидентификации субъекта, эксплицированных на основании социальной топологии и социального конструктивизма, зиждется на том методологическом допущении, что дискурс можно определить как своего рода материальную основу практик социального конструирования реальности, где лейтмотивом и руководящим принципом является известное изречение Ж. Деррида «Всё есть дискурс». Иначе говоря, под дискурсивными пространствами и их многочисленными полями понимается совокупность социальных практик, в границах которых конструируется весь спектр значений и смыслов социальной реальности, в том числе и кажущиеся на первый взгляд недискурсивными макросоциальные образования. К примеру, такие неотъемлемые компоненты социума как социальные институты, социально-экономические процессы, и даже технологии и т. д. Все они сконструированы посредством дискурсивных пространственных практик, формирующихся в дискурсивные системы.

Другое дело, что выявить «след» дискурса различного рода макросоциальных образованиях бывает подчас весьма и весьма затруднительно, ибо он «упакован» в целый ряд опосредованных или промежуточных звеньев. Но так или иначе, конструируемые дискурсом социальные пространства рассматриваются сквозь призму тождества социального существования субъекта и дискурсивности, что позволяет рассматривать данные пространства как «пространства высказывания» и выявить его структуру через специфические дискурсивные индексы, отсылающие к социальным позициям действующих в определенных местах или позициях субъектов.

Поэтому, социальная позиция субъекта (определяемая, прежде всего такими характеристиками-показателями как силовое воздействие дискурса, позиционность, диспозиционность, субординация или иерархичность) задается здесь как тождественная специфическому топосу высказывания, т.е. совокупностью условий и правил функционирования дискурсивных практик в том или ином поле социального пространства. Определение социального существования как существования-в-позиции в данном контексте означает, что никто из субъектов, существующих в социальной реальности, не может говорить всё «что угодно» и «как угодно», если, конечно, не брать крайних или экстремальных случаев. Поэтому имеет смысл подробнее сделать анализ онтологических характеристик дискурсивного пространства, задающих и воспроизводящих определенным образом идентификационную матрицу субъективности.

Прежде всего, обратимся к рассмотрению характеристики силового воздействия или силовой «природы» дискурса и выстраиваемых на его основе социальных отношений. Данная характеристика изначально предполагает непрерывное навязывание властью ментальных моделей, представлений и установок субъектам, что позволяет управлять их будущими действиями. Действительно, данная характеристика является одной из ключевых для процессов самоидентификации субъектов, она демонстрирует условия и возможности конституирования идентификационных матриц субъективности.

А в качестве онтологической основы для подобной точки зрения на «природу» дискурса, имеющего силовое, социально – пространственное измерение была предложена концепция перспективизма Г. В. Лейбница [3], согласно которой любое пространство рассматривается не как автономная независимая сущность, значимая сама по себе, а как постоянно складывающийся и непрерывно доопределяющийся порядок социальных отношений. Данный порядок отношений образуется взаимодействующими между собой субъектами – монадами, трактуемыми как социальные факты (и имеющими в этом отношении телесность). А если развивать данное положение Г. В. Лейбница, то вне этих силовых взаимодействий социального пространства как такового не существует, все определяется диспозицией этих силовых взаимодействий и складывающейся конфигурацией субъектов в социальных полях. Субъекты как монады имеют каждый раз ту позицию или точку зрения, в которой они не столько отражают мир, сколько его конструируют, то есть каждая монада воспринимает мир в своей, лишь ей присущей перспективе, конструктивистской по своей сути, и в этом контексте можно говорить о пространственном расположении монад. Можно сказать, что для Г. В. Лейбница пространство есть свойство и вещей самих по себе и диспозицией сил в каждый момент времени, что прочерчивает перспективу возможного сосуществования монад.

Более того, Г. В. Лейбниц, делая акцент на силовой природе любого пространства и не разделяя в этом аспекте позицию Р. Декарта, сводившего, как известно, телесность вещей к их протяженности (см. [4, с. 94-123]), особо подчеркивал, что «в телесных вещах есть нечто, кроме протяженности, и даже предшествующее протяженности, а именно сама сила... которая состоит в простой способности... но помимо того снабжена направленною, или устремлением, получающим полное осуществление, если оно не встречает препятствие в противоположном устремле-

нии» [3, с. 247]. Таким образом, сила всегда есть момент сущего, а сущее является условием проявления силы, то есть они не тождественны друг другу. Сила черпает свою энергию проявления из внутреннего противоречия сущего, а в нашем смысле из неоднородности пространства, в том числе и дискурсивного. Источник движения силы в ней самой, поэтому она и деятельна.

Тем самым, для Г. В. Лейбница пространство служит общей формой или условием для координации вещей или монад и их состояний, откуда следует зависимость свойств пространства от характера силового взаимодействия монад. М. Хайдеггер в этой связи замечает: «Всякий субъект в своем бытии определяется силой. Всякая *substantia* есть монада. Так, в свете истины как достоверности раскрывающаяся сущность действительности *res cogitans* обрела простор, в котором она властно про­ нозывает собой все действительное» [5, с. 390].

Предпринятый нами краткий экскурс в рассмотрение силовой «природы» пространства у Г. В. Лейбница позволяет лучше понять концепт «социальное пространство», как он трактовался в генетическом структурализме у П. Бурдьё. Именно лейбницевская трактовка пространственности и легла в основу представления французского социального теоретика о социальном пространстве как формы, выражающей определенные силовые отношения. Феномен социальной пространственности проявляет свое воздействие через складывающиеся конфигурации силы, которая конституирует сегменты или поля социального пространства и определяет диспозиции или силовой баланс между субъектами социального взаимодействия. Здесь не существует никакого «абсолютного» социального пространства, экстраполированного последователями субстанционализма на исследование в качестве самостоятельной и независимой от опытной реальности формы социального бытия.

Напротив, в концепции П. Бурдьё социальное пространство конституируется каждый раз заново с учетом постоянно изменяющейся структуры позиций участников социального взаимодействия, указующих на их диспозиции. Иначе говоря, у П. Бурдьё конституирование социального пространства ни в коем случае не руководствуется архитектурой физического пространства, т. е. французский социальный мыслитель не руководствуется принципом так называемого опространствливания социальной реальности, а ищет какую-то другую основу. В его теоретических построениях социальная реальность рассматривается как многомерная и многоуровневая, построенная по принципу дифференциации, распределения и перераспределения действующих сил в социальных полях. И наиболее характерно для М. Бурдьё то, что «в той мере, в какой свойства, выбранные для построения социального пространства являются активными его свойствами, можно описать это пространство как поле сил, которые навязываются всем входящим в это поле и которые несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным взаимодействиям» [6, с. 56]. Тем самым, П. Бурдьё констатирует силовую природу социального пространства, практически ничего не имеющего общего с геометризованным или физическим пространством Р. Декарта и И. Ньютона. Пространство сил в подобной мыслительной перспективе нельзя редуцировать к визуальной представленной диспозиции агентов социальной реальности на манер объектов физического мира.

Вместе с тем, сила как таковая не имеет самостоятельного существования, а всегда обозначает наличные свойства социальной структуры, складывающейся в процессе функционирования многочисленных полей социального пространства. При этом множество вложений или активных свойств, а в терминологии П. Бурдьё «капиталов», дают его обладателю власть и влияние в иерархизированных полях социального пространства, что является по существу непосредственным проявлением конфигурации силы. Сила конституируется посредством постоянно производимых и воспроизводимых практик и представлений индивидов в различных полях социального пространства. Объясняя свое представление о социальном пространстве,

П. Бурдьє определяет его «... и как поле борьбы, внутри которого агенты противостоят друг другу со своими средствами и целями, различающимися в зависимости от их позиции в структуре поля сил, участвующих таким образом в сохранении или трансформации структуры этих позиций» [7, с. 15-16].

Иначе говоря, в силу того, что каждое поле социального пространства едино и одно, меняются лишь различные состояния одного и того же поля. А в силу того, что поле как ансамбль отношений нельзя разделить на части, для его описания невозможно корректно использовать субстанциальные понятия, о чем уже говорилось ранее. Поэтому, субъекты, понимаемые как агенты социального взаимодействия, будь-то индивидуальные или коллективные, по своей форме не могут считаться самостоятельными источниками конструирования поля и социального пространства в целом, поскольку конституирующие его структуры предпосланы этим субъектам как необходимые условия и предпосылки их практик и представлений. Тем самым, одной из характеристик концепции социального пространства П. Бурдьє явилось положение о двойном социальном структурировании [6, с. 14-48; 64-96; 179-219], что легло в основание разработки концепта габитуса, о чем мы поговорим в дальнейшем. Можно утверждать, что в концепции П. Бурдьє единственным понастоящему самостоятельно изменяющимся предметом социально-философского и социологического исследования является именно социальное пространство, поскольку оно выступает как ансамбль социальных полей и структур, обуславливающих все социальные явления. Все социальные феномены лишь взаимодействуют друг с другом при его деятельном участии, соответственно изменяя свое положение в системе социальных позиций. И как уже говорилось ранее, социальное пространство не является только лишь конфигурационным пространством вместилща индивидуальных или коллективных агентов, а дополняется постоянно действующими в нем и изменяющимися силовыми балансами и потенциалами.

Его сущность заключается в том, что социальная реальность структурирована генерирующим действием полей социального пространства, определяющих социальные отношения и места субъектов. Эти социальные отношения определяются в соответствии с вложенными субъектами в эти поля своего «капитала» или силового воздействия, а, с другой стороны, представлениями субъектов о социальных структурах, оказывающих эффект обратного воздействия на первичное структурирование. В конечном итоге, именно социальные структуры являются целью практик и представлений индивидуальных и коллективных субъектов, которые эти социальные структуры, аккумулирующиеся в социальных полях, могут определенным образом контролировать, т. е. подавлять или стимулировать их развитие.

Таким образом, социальные поля обуславливают практики и представления субъектов, а те, в свою очередь, непрерывно производят социальные практики субъектов, и, тем самым, воспроизводят или преобразуют социальные структуры. Здесь обусловленность практик и представлений субъектов структурами социального пространства и реализуется и поддерживается именно через их производство и воспроизводство самими субъектами. У П. Бурдьє одним из основных является то положение, что субъекты всегда осуществляют свои практики в предопределенных для них заранее социальных структурах, формируемых социальными полями. Социальные структуры являются, в свою очередь, необходимыми условиями и предпосылками любых типов социальных практик.

Поэтому, субъекты как бы «заклочены» в уже существующие в социальных полях структуры и, тем самым, «обречены» либо на их репродукцию, либо на трансформацию, - третьего не дано. Тем самым, активность субъектов в производстве или воспроизводстве социальной реальности предопределена воздействиями структур социальных полей. Эти структуры интериоризированы в виде практических схем, социальных представлений, поэтому в превращенной форме они отражают конфигурацию социальных сил и место в них конкретного субъекта. Подобное положение

расставляет акценты в концепции двойного структурирования, а именно: субъективное структурирование социальной реальности есть раз и навсегда ведомый, подчиненный элемент объективного структурирования. П. Бурдьё здесь себе не изменяет и придерживается идеи, что вся социальная реальность изначально целостна и структурирована. Данное обстоятельство нашло свое выражение в разработке французским социальным теоретиком концепта габитус.

Стоит обратиться к определению габитуса у П. Бурдьё: «Детерминации, связанные с особым классом условий существования, производят габитусы - системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры. То есть как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые, хотя и могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и неперемное овладение необходимыми операциями по ее достижению» [8]. «Габитус, – уточняет П. Бурдьё в другой своей работе, – поддерживает с социальным миром, продуктом которого является, настоящее онтологическое соучастие, принцип знания без сознания, интенциональности без интенции и практического освоения закономерностей мира, который позволяет предвосхищать будущее, даже не нуждаясь в том, чтобы полагать его как таковое» [9, с.34]. Если руководствоваться определением габитуса П. Бурдьё, то это значит, что прошлый опыт субъекта априорно присутствует в настоящем, но не в форме неких абстрактных структур или идей, а в форме считающихся универсальными схем восприятия, мышления и действия, оживающих в системе взаимодействия и обмена, а именно в форме инсценирования и исполнения перформативности, конструирования субъективных и публичных нарративов между субъектами в определенных социальных полях. Эти схемы во многом и позволяют удерживать определенные социальные поля от распада. Таким образом, «габитус как приобретенная система порождающих схем, – отмечает М. Бурдьё, – делает возможным свободное продуцирование любых мыслей, восприятий и действий, вписанных в границы, свойственные особым условиям производства данного габитуса и только им». Поэтому, имеет место диалектическое соединение внешней и внутренней идентификации, что «дает возможность внешним силам реализоваться в соответствии со специфической логикой организмов, в которых они инкорпорированы, т. е. устойчивым, систематическим и не механическим образом» [8].

Более того, габитус призван давать множество ответов на различные встречающиеся ситуации субъектов, исходя из ограниченной совокупности уже имеющихся схем действия и мышления. Тем не менее, габитус воспроизводится не только тогда, когда сталкивается с привычными ситуациями, но и при встрече с незнакомыми ситуациями он оказывается способен к субъективным инновациям, вследствие того, что специфическим образом комбинирует в себе определенное разнообразие социальных опытов.

Об этом говорил Ф. Коркюф, выделяя в структуре габитуса как основы самоидентификации субъекта наравне с более или менее константной идентичностью – самостью, отвечающей на вопрос «что я?» также и идентичность – тожество, отвечающую на вопрос «кто я?», а также моменты становления – субъективации [10, с. 255-256]. А если это так, то дискурсивное пространство как коррелят социального имеет совершенно другую «природу» и внутренние структуры, являющиеся необходимыми условиями различного рода индивидуальных и коллективных дискурсивных практик (само)идентификации, и производных от них мысленных схем и представлений субъектов, направляющих, в одних случаях, их непосредственные взаимодействия по определенному «руслу», а в других – определяющих новое «русло».

Поэтому, подобные дискурсивные практики и представления действуют как динамически изменяющиеся силы, а последние и конституируют каждый раз заново дискурсивное пространство. Поэтому оно всегда носит символический характер и

не является субстанционализированным или натурализированным, подобно объектам физического мира. Положение или позиция каждого субъекта в дискурсивном пространстве ранжируется объемом и структурой его инвестиций или достижений – будь-то символически или дискурсивно выраженные экономические, интеллектуальные, имущественные, бюрократические, научные и любого другого рода инвестиции или, как говорил П. Бурдьё – структурой его «капиталов», определяющих структуру наличных сил. Они и определяют с большой долей вероятности диспозиции, конфигурации силовых воздействий, т.е. дискурсивные практики, а постфактум и интересы и представления того или иного субъекта социального взаимодействия.

В дискурсивном пространстве субъект включается в непрерывное развитие его полей посредством силового противостояния с другими субъектами, которые находятся на различных уровнях социальной структуры. Субстанциальность при подобном положении вещей становится функцией силы и силового воздействия друг на друга агентов социального взаимодействия. Поэтому, дискурсивное пространство можно определить как постоянно складывающуюся конфигурацию различных сил, причем подобные конфигурации проявляют свое силовое воздействие в многочисленных субпространствах или полях дискурса. Они и формируют в своей совокупности целостность дискурсивного социального пространства.

Расширяет представление о силовой «природе» дискурсивного пространства характеристика диспозиционности, которая исходит из рассмотрения дискурса как своего рода материального фактора субъективного речевого взаимодействия, и имеющего помимо «своих правил появления также и свои собственные условия присвоения и использования» [11, с. 182].

Последнее обстоятельство говорит о силовой природе любого дискурса, о том, что субъект, размещаясь всегда внутри дискурсивного пространства, сам того не ведая «подчиняется незаметным для него формам принуждения» [11, с. 236], что навязывает ему определенную идентичность, исходя из занимаемой в нем места или его диспозиции: «Неважно, кто говорит, но важно то, откуда он это говорит» [та же, с.237], поэтому, дискурсивное пространство имеет целый ряд идентификационных матриц, распределяющихся по социальным позициям в пространстве дискурса и узнаваемых субъектом по специфическим индексам социальных позиций.

В качестве подтверждения значимости диспозиционности как производной силовой характеристики дискурса имеет смысл рассмотреть ее как онтологическую компоненту власти, т. е. рассматривая власть как пространство приложения и конфигурации сил, используя работы М. Фуко, который, как известно, исходит из трактовки власти у Ф. Ницше. Согласно последнему, власть как воля к власти, представляет собой не сущность, принадлежащую кому бы то ни было, и не господство кого-то над кем-то, а, в первую очередь, отношение силы к силе. Как пишет Ж. Делёз, анализируя данную трактовку Ф. Ницше, понятие воли к власти означает сущность силы, «ибо сущность силы в том и заключается, что сила соотносится с другими силами; именно в отношении она обретает сущность и качество» [12, с. 31].

Подобно Ф. Ницше, М. Фуко понимает под властью некоторую «тонкую» субстанцию, имманентную всем социальным отношениям, и проникающую в «саму толщу и во все поры» социального. Источник власти, равно как и субъективации и самоидентификации, М. Фуко усматривает в эффекте совместного действия множества механизмов и очагов, образующих «микрофизику власти» на микросоциальном уровне дискурсивных пространств. Поэтому, М. Фуко понятия дисциплины, дисциплинарного общества и дисциплинарных пространств часто употребляет в контексте рассуждений, прежде всего касающихся современных, отчасти современных форм субъективации, дистанцируясь от отождествления с какими-либо общественными институтами или государственными аппаратами, что характерно для работ упоминаемого в предыдущем разделе Л. Альтюссера. Дисциплинарные простран-

ства – это в первую очередь тип дискурсивных отношений и технологий власти, пронизывающих все аппараты и институты, все социальные структуры общества в целом [13].

«Под властью, - пишет М. Фуко, - мне кажется, следует понимать, прежде всего, множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для её организации; понимать игру, которая путём непрерывных битв и столкновений их трансформирует, усиливает и инвертирует; понимать опоры, которые эти отношения силы находят друг в друге таким образом, что образуется цепь или система, или, напротив, понимать смещения и противоречия, которые их друг от друга обособляют; наконец, под властью следует понимать стратегии, внутри которых эти отношения силы достигают своей действенности, стратегии, общий абрис или же институциональная кристаллизация которых воплощается в государственных аппаратах, в формулировании закона, в формах социального господства» [13, с. 192].

Вот почему, реализация программы изучения способов субъективации как технологий власти принимает у М. Фуко вид генеалогии – исторического исследования типов дискурсивных и недискурсивных отношений как разновидностей социальных практик, которые побуждают человека в определенную историческую эпоху мыслить себя тем или иным образом. Подобная постановка проблемы подразумевает, что всякая рефлексия исторична и социальна по своей сути, иными словами, что она опосредована той диаграммой властных отношений, в которую она погружена.

При этом дискурс знания, продуцируемый социумом и функционирующий в нём в качестве «истинного» дискурса, не является внешним по отношению к диаграмме власти, а составляет с ним единое синкретическое образование - «знание-власть». Принципиальным моментом теории М. Фуко является тезис о том, что точкой приложения власти-знания является тело. Соответственно, субъективация как стратегия власти-знания понимается М. Фуко как субъективация тела. Как пишет французский социальный мыслитель в «Надзирать и наказывать» [14], тело всегда погружено в область социально-политического, т. е. «отношения власти держат его мёртвой хваткой. Они захватывают его, муштруют, пытаются, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки» [14, с. 39-40].

В другой своей работе М. Фуко [13] отмечает, что его цель - показать, каким образом различные диспозиции власти сочленяются с телом: «Итак, не «история ментальностей», которая брала бы тела только с точки зрения того способа, которым они были восприняты, наделена смыслом и значимостью, но «история тел» и того способа, каким были сделаны вклады в то, что есть в них наиболее материального и живого» [13, с. 259] (см. [15]).

Даже самые современные технологии власти, такие как надзор или бюрократический контроль, являются, по мнению М. Фуко, лишь новыми способами инвестировать тело, новыми техниками его политического захвата. Прямое физическое воздействие на тело (пытка или казнь) – это лишь эпизод в его истории, оно должно быть поставлено в один ряд с такими процедурами как пространственное размещение, сбор информации и научное исследование [16, с. 226-233] (см. [15]). Здесь вполне естественно может возникнуть вопрос о том, какова точка пересечения знания о теле и власти над телом? Ответ, по всей видимости, заключается в том, что воздействие властных отношений не должно рассматриваться как просто физическое действие – даже в том случае, когда техники власти выглядят максимально приземленными, они, тем не менее, в первую очередь являются символическими. Социально-политический эффект такого воздействия всегда заключается в классификации тел, их распределении в символическом или дискурсивном пространстве, что соответствует эффектам тех классификаций, которые производятся внутри дискурсов знания.

Между тем, теория власти как имманентного поля приложения сил М. Фуко

или как спонтанно складывающаяся силовую конфигурацию дискурсивного пространства вызвала резкую критику Ж. Бодрийара, утверждавшего, что «теория контроля через объективирующий взгляд, даже если он размельчен до уровня микроустройств, отошла в прошлое» [17, с. 44]. Справедливости ради надо признать, что данное утверждение не лишено определенных оснований, и, прежде всего, в плане фукианского представления телесности. Современный исследователь Х. У. Гумбрехт в этой связи очень точно заметил, что «труды Фуко посвящены исключительно структурам значения, без всякой тематизации человеческого тела или каких-либо иных явлений, связанных с формой выражения (сам Фуко никогда не выражал никакого интереса к «материальным факторам»)» [18, с. 27], которые имеют самое непосредственное отношение к телесности. Для французского философа телесность – это дискурсивно – символический пласт значений, но не более того.

Еще более радикальной критике подверг теорию власти и телесности, а вместе с ней и концепцию дискурсивных практик М. Фуко, известный российский социолог Б. Дубин, вообще поставивший под вопрос роль дискурсов в производстве субъективности, совершенно справедливо полагая, что повседневная жизнь как социальные пространства противодействия силовому воздействию власти оставалась практически вне зоны рассмотрения М. Фуко: «Один из подобных дефицитов — повседневная жизнь, которая складывается и воспроизводится в зазорах «между»рестриктивными системами, в их «щелях», обживает их частичную несогласованность, сбои их работы, противоречия между ними и т. п. Это многообразные микротактики не только уклонения от принудилочки труда, школьной накачки, пропагандистской дрессуры и проч., но и противостояния им. Причем такого противостояния, без которого не смогли бы существовать и сами «большие» системы: я имею в виду феномены такого уровня и типа, как семейная мораль, соседские и локальные связи, «вторая» экономика и проч. Они, замечу, как правило, внедискурсивны»[19]. Справедливости ради, автор вынужден был признать, что «хотя сама идея «археологии знания» перспективна и во многом близка к собственно социологической работе с материалом «низовых», неклассических форм мысли и речи, практикой повседневной жизни, массивами анонимных и слежавшихся, полустертых, «ничейных» мнений, за которыми выявляются более общие нормы фактичности, модусы оценки, критерии данного и проч.» и что «без проработки данного круга проблем (вслед за антропологами назову их проблемами символической классификации и символической практики, их содержательных типов и семантических планов, групповых трансформаций, симбиотических форм и проч.) ни социологическая, ни историческая, ни культурологическая работа просто невозможна»[19]. И в этом смысле, тело как репрезентация структур значений в известном смысле и с некоторыми допущениями вполне приемлемо рассматривать как своеобразную поверхность, на которой записываются «знаки» власти, и где оно будет пониматься не только в качестве «восприимчивой» к знакам поверхности, но и в качестве поверхности значений, замкнутой на саму себя и как бы прочитывающей саму себя.

Поэтому, субъективация, которая есть обращение субъекта с помощью самоидентификации к себе, подразумевает, что взаимоотношения тела с внешней, воздействующей на него, силой «изгибаются и искривляются» (Ж. Делёз), порождая самоотношение и конституируя, тем самым, внутреннее. Субъект в этом смысле есть «эффект» дублирования внешнего во внутреннем, отношение силы к самой себе. Иными словами, субъект соответствует власти, осуществляемой над самим собой, обращению власти в принцип внутренней регуляции, что и определяет онтологию субъекта через диспозиции дискурсивного пространства.

Экпликация двух предыдущих онтологических характеристик воплощается в характеристике субординации или иерархичности, где каждой социальной позиции дискурсивного пространства определен свой социальный индекс. Тем не менее, здесь допускается, что субъект имеет определенную степень свободы при выборе

или отклонении навязываемой ему извне социальной позиции, вплоть до смены дискурсивных полей и даже дискурсивных пространств. В самом деле, как следовало из предыдущей характеристики, говорящий субъект всегда занимает определенное «место» говорения - позицию в границах дискурсивного пространства, которое и определяет «что» и «как» им говорится, что устанавливается и закрепляется субординацией и складывающейся или сложившейся иерархией.

Вместе с тем, существует постоянная дискурсивная противодействие и притяжение на доминирование в рамках социального пространства за доминирование или гегемонию той или иной интерпретации социальной реальности между различными дискурсивными практиками субъектов. Здесь происходит та дискурсивное противостояние, в предельном смысле – борьба, которую П. Бурдьё называет полем власти, и которая является тем местом, где соединяются различные поля и «капиталы»: это точка, в которой сталкиваются субъекты, занимающие доминирующее положение в различных полях. Это те поля, которые можно охарактеризовать как «поле борьбы за власть между обладателями различных форм власти» - цит. по [20, с. 50].

Более того, конкурирование дискурсов между собой за утверждение единственно истинной и разделяемой большинством субъектов общепринятой трактовки социальной реальности происходит постоянно, и не обязательно определяется статусом или положением в социальной иерархии. Тем не менее, именно через дискурс устанавливается и проявляется определенная субординация или иерархия, распределение и перераспределение власти.

Необходимо отметить, что все перечисленные характеристики являются исключительно содержательными показателями дискурсивных практик, которые указывают на онтологию любого микросоциума как конституируемого и воспроизводимого уже властью самих дискурсов. Иными словами, они в первую очередь дают представление о специфике структуризации всех дискурсов, и тогда мы можем определять такие когнитивные составляющие дискурсивных практик властных отношений как доминирование, контроль и преобладание, как доступ, блокирование, дозирование или замалчивание, как главенствующая интерпретация, переинтерпретация и манипуляция в многочисленных коммуникативных событиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Палагута В. Самоидентификация социального субъекта в дискурсивных пространствах / В. Палагута. – Днепропетровск: «Инновация», 2010. – 440 с.
2. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. / Т. А. ван Дейк; пер. с англ. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 344с.
3. Лейбниц Г. В. Опыт рассмотрения динамики. О раскрытии и возведении к причинам удивительных законов, определяющих силы и взаимодействие тел // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. - Т.1, - М.: Мысль, 1982. – 636 с., - С. 247 – 270.
4. Сретенский Н. Лейбниц и Декарт. Критика Лейбницем общих начал философии Декарта: Очерк по истории философии / Н. Сретенский. – СПб: Наука, 2007. – 183 с.
5. Хайдеггер М. Ницше: Т.2. / М. Хайдеггер; пер. с нем. - СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2007. – 457с.
6. Бурдьё П. Социология социального пространства / П. Бурдьё; пер. с фр. - М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 288 с.
7. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис классов / П. Бурдьё; пер с фр. // Социология социального пространства, - СПб.: Издательство «Алетейя», 2005. - С. 14-48.
8. Бурдьё П. Структура, габитус, практика [Электронный ресурс] / П. Бурдьё; пер. с фр. // Журнал социологии и социальной антропологии. - 1998. - Т. 1. - № 2. – Режим доступа: <http://www.soc.pu.ru:8101/publications/jssa/1998/1/home.html>.
9. Бурдьё П. Начала / П. Бурдьё; пер с фр. - М: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
10. Коркюф Ф. Коллективное в споре с единичным: отталкиваясь от габитуса / Ф. Коркюф; пер. с фр. // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института Социологии Российской Академии наук. - М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. - С. 251-280.

11. Фуко М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. - СПб.: ИЦ Гуманитарная академия; Университетская книга, 2004. - 416 с.
12. Делёз Ж. Ницше./ Ж. Делёз; пер. с фр. - СПб.: Аксиома, 2001. – 184 с.
13. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко; пер. с фр. - М.: Касталь, 1996. – 448 с.
14. Фуко М. Надзирать и наказывать / М. Фуко; пер. с фр. - М.: Ad Marginem, 1999. - 479 с.
15. Фуко М. Пространство, знание и власть / М. Фуко; пер. с фр. // Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью - М.: Праксис , 2006. - Ч.3. - С. 215-237.
16. Делёз Ж. Post Scriptum к обществам контроля / Ж. Делёз; пер. с фр. // Переговоры 1972-1990. - СПб.: «Наука», 2004. - 233 с.
17. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. - СПб: «Владимир Даль», 2000. - 90 с.
18. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: Чего не может передать значение / Х. У. Гумбрехт; пер. с англ. - М.: Новое литературное обозрение, 2006. - 184 с.
19. Дубин Б. Неведомый шедевр и его знаменитый автор [Электронный ресурс] / Б. Дубин. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/49/dubin.html>.
20. Коркюф Ф. Новые социологии / Ф. Коркюф; пер. с фр. - М.: Институт экспериментальной социологии; СПб, Алетейя, 2002. – 172 с.

REFERENCES:

1. Palaguta V. Samoidentifikatsiya sotsial'nogo sub»ekta v diskursivnykh prostranstvakh [Identity of the social subject in the discursive spaces]. – Dnepropetrovsk: «Innovatsiya», 2010. - 440 s.
2. Deyk van T.A. Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. [Discourse and Power: Representation of dominance in language and communication]. – М.: Knizhnyy dom « Librokom», 2013.– 344s.
3. Leybnits G. V. Opyt rassmotreniya dinamiki. O raskrytii i vozvedenii k prichinam udivitel'nykh zakonov, opredelyayushchikh sily i vzaimodeystvie tel [Experience of the speakers. On the disclosure of the construction and to the causes of the amazing laws defining the powers and interaction of bodies] // Leybnits G. V. Sochineniya: v 4 t. - T.1, - М.: Mysl', 1982. – 636 s., - S. 247 – 270.
4. Sretenskiy N. Leybnits i Dekart. Kritika Leybnitsem obshchikh nachal filosofii Dekarta: Ocherk po istorii filosofii [Leibniz and Descartes. Criticism of Leibniz general principles of the philosophy of Descartes: An Essay on the History of Philosophy]. – SPb: Nauka, 2007. – 183 s.
5. Khaydegger M. Nitsshe: T.2. [Nietzsche]. – SPb.: Izd-vo «Vladimir Dal'», 2007. – 457s.
6. Burd'e P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [Sociology of social space]. – М.: Institut eksperimental'noy sotsiologii; SPb.: Aleteyya, 2005. – 288 s.
7. Burd'e P. Sotsial'noe prostranstvo i genesis klassov [Social space and the genesis of classes] // Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva, - SPb.: Izdatel'stvo «Aleteya», 2005. - S. 14-48.
8. Burd'e P. Struktura, gabitus, praktika [The structure, habit, practice] [Electronic resource]. // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. - 1998. - T.1. - № 2. – Access mode: <http://www.soc.pu.ru:8101/publications/jssa/1998/1/home.html>.
9. Burd'e P. Nachala [Begining]. - М: Socio-Logos, 1994. – 288 s.
10. Korkyuf F. Kollektivnoe v spore s edinichnym: ottalkivayas' ot gabitusa [The collective dispute with the identity: starting from the habitus] // Sotsioanaliz P'era Burd'e. Al'manakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta Sotsiologii Rossiyskoy Akademii nauk. - М.: Institut eksperimental'noy sotsiologii; SPb.: Aleteyya, 2001. - S. 251-280.
11. Fuko M. Arkheologiya znaniya [Archaeology of Knowledge]. - SPb.: ITs Gumanitarnaya akademiya; Universitetskaya kniga, 2004. - 416 s.
12. Delez Zh. Nitsshe [Nietzsche]. - SPb.: Axioma, 2001. – 184 s.
13. Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let [The will to truth: Beyond the knowledge, power and sexuality. Works of different years]. - М: Kastal', 1996. – 448 s.
14. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat' [Discipline and Punish]. - М.: Ad Marginem, 1999. - 479 s.
15. Fuko M. Prostranstvo, znanie i vlast' [The space, knowledge and power] // Intellekтуалы i vlast'. Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu – М.: Praksis , 2006. - Ч.3. - S. 215-237.
16. Delez Zh. Post Scriptum k obshchestvam kontrolya [Post Scriptum to the control of the

Company] // Peregovory 1972-1990. - SPb.: «Nauka», 2004. - 233 s.

17. Bodriyyar Zh. Zabyt' Fuko [Forget Foucault]. - SPb: «Vladimir Dal'», 2000. - 90 s.

18. Gumbrekht Kh.U. Proizvodstvo prisutstviya: Chego ne mozhet peredat' znachenie [Presence Production: What can not pass a value]. - M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. - 184 s.

19. Dubin V. Nevedomyu shedevr i ego znamenituyu avtor [Unknown masterpiece and its famous author] [Electronic resource]. – Access mode: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/49/dubin.html>.

20. Korkyuf F. Novye sotsiologii [New Sociology]. – M.: Institut eksperimental'noy sotsiologii; SPb, Aleteyya, 2002. – 172 s.

Палагута В. І., Національна металургічна академія України (Дніпропетровськ, Україна)
E-mail: visnuk NU@i.ua

Самоідентифікація суб'єкта в контексті дискурсивних практик як основи владних відносин

Анотація. У статті аналізується онтологічні характеристики дискурсивних практик як базисної структури стосунків людини до соціуму і в соціумі, існуючого на усіх без виключення рівнях соціальної дійсності. Вивчення цих характеристик дає уявлення про специфіку структуризації усіх дискурсивних практик, що і зумовлює динамізм і постійну зміну самоідентифікації суб'єкта в соціальних вимірах буття.

Ключові слова: дискурс, дискурсивні практики, владні відносини, самоідентифікація, сила дія, позиційність, диспозиція, субординація, ієрархічність.

Palaguta V., The National Metallurgical Academy of Ukraine (Dnipropetrovsk, Ukraine),
E-mail: visnuk NU@i.ua

Subject's Self-identification in discursive practice context as the basis of power relations

Abstract. The ontological characteristics of discursive practice are considered as the basic structure of man's relations with society and in the society that exists at all, without exception, levels of social reality. In spite of all the variety of contemporary definitions of discourse and its derivatives - discursive practices, we follow the point of view that discourse is a special kind of verbal structure. This speech pattern always has power over the Subject due to the essential human need for self-determination and, as a consequence – self-nomination and, thereby, establishing a place or position by the person in a particular field of social reality. Power impact as a continuous, sometimes hidden imposition of Subjects who «produce» and use discourses, relates to the basic characteristics of the discourse. That indicates at the social relation of domination, coercion, manipulation and subordination of the subjects to the social group or its nominal representative in the discursive space. Another important ontological characteristic is a positionality of discourse. It defines the structure of social space through relative (relational) positions' distribution (redistribution) and, thus, specifies the social attitude as the attitude of the order set up and the rules prescribed or agreed come after it. The characteristic of disposition focuses on the Subject's particular place or position, which appears through antagonistic, hegemonic and conflict interactions as they are in discursive spaces that, ultimately, is one of the real causes of the whole force or power relations' system being reflexed by the force or power relations' Subjects. One more characteristic is the subordination or hierarchy that captures the public institution, i.e. legitimization and further reproduction of subjective positions within the boundaries of the socio-discursive fields. That is fully consistent with the understanding of discourse as the plurality of locations or positions' container where the Subject's self-identification processes take place without a cease.

The above mentioned characteristics indicate that there is a constant discursive opposition and pretention to power within the social relations of domination and hegemony. They allow us to set a particular interpretation of the social reality for different Subjects' discursive practices. There is the discursive confrontation in the extreme sense - the struggle for the power relations' affirmation. Moreover, contention between discourses for the affirmation of the only true and common interpretation of the social reality shared by the majority of subjects is permanent and not being necessary defined by the status or position in the social hierarchy. Nevertheless, it is through discourse and discursive practices, a certain subordination or hierarchy, distribution and redistribution of power established and manifested. As a final idea of this article it may be noticed that all of these characteristics are only meaningful indicators of discursive practices that point

out the ontological dimension of any micro-society, not speaking about macro-society as being constituted and permanently reproduced by the discourses' power itself.

In other words, these characteristics, first of all, give an idea about the specific structuring of discursive practices, which determines the dynamism and constant Subject's self-identification transformation in the social dimensions of life. And in hindsight we can determine these cognitive components of discursive practices of power relations as the domination, control and dominance as access, blocking, dosing or understatement, as the dominant interpretation, reinterpretation and manipulation in numerous communicational events.

Keywords: *discourse, discursive practices, power relations, self-identification, power influence, position, disposition, subordination, hierarchy.*

УДК 141.144 (73) (09)

Пацан В. О. (Євлогій, єпископ Новомосковський)

кандидат богослов'я,
старший викладач кафедри філософії,
Дніпропетровський національний
університет імені Олеся Гончара
(Дніпропетровськ, Україна),
E-mail: ave_logos@mail.ru

ФОРМИ САМОРОЗКРИТТЯ «Я» В ЛІТЕРАТУРНІЙ ТВОРЧОСТІ У. УІТМЕНА І СТАНОВЛЕННЯ ПЕРСОНАЛІСТИЧНОЇ ФІЛОСОФІЇ США

Анотація. *Стаття націлена на визначення уїтменівських способів самовираження особистості, уточнення яких є необхідним для встановлення реального вкладу самобутнього американського поета-філософа у формування персоналістської думки на теренах Північної Америки, що все ще залишається нез'ясованим, проблематизуючи наукову картину її генезису.*

На основі аналізу сучасного стану розробки проблеми співвіднесення поезії та прози У. Уїтмена із персоналістичною доктриною США обґрунтовується необхідність поєднання методу історико-філософської реконструкції з історико-літературним підходом для розкриття того сполучення форм міфопоетичного і дискурсивного мислення, яким породжується семантичне поле особистісного самовизначення митця, що відбувається як маніфестація «я» його ліричного героя, доповнена літературно-публіцистичним ствердженням персонального модусу існування. На цій дослідницькій платформі виявляється уїтменівська матриця саморефлексії особистості, орієнтована на зрівняння різних релігій та філософських систем в якості декларацій причетності людини до Абсолютної Душі; встановлюється нон-селективний характер такої конструкції, обумовлений відступом її автора від Біблійної топології особистісності; чотирикладна модель особистісного буття, розроблена У. Уїтменом, розглядається як квінтесенція авторського заперечення понадприродного Одкровення, яка, стверджуючи невіддільність добра від зла й у Всесвіті, й у людській природі, закриває есхатологічну перспективу й несе в собі загрозу втрати персональної ідентичності.

У ході узагальнення первинних для Нового світу – закладених американським «співцем особистості» - засад обґрунтування персоналізму доводиться генетичний зв'язок його версії, сформованої філософами-персоналістами Північноамериканського континенту на чолі з Б. П. Боуном, із літературною творчістю У. Уїтмена, що полягає не у прямій спадковості, а в афектованості персоналістського способу філософствування, започаткованого у США на межі XIX – XX ст., уїтменівською поетизацією особистісного як «абсолютно іншою» траєкторією становлення персоналістичного світогляду.

Ключові слова: *Особа Творця, Божественне Одкровення, особистісний принцип буття, людська особистість, персоналізм, трансценденталізм, дискурсивне і міфопоетичне мислення.*

Академічна історія персоналізму, заснована на початку ХХ ст. одним із розробників